

Они шли примерно полчаса, пока не добрались до улочки на южной окраине города. Это был местный квартал красных фонарей: семь или восемь заведений, от роскошных павильонов до скромных домов терпимости, теснились бок о бок, зазывая клиентов яркими вывесками.

Они втроем остановились у входа в квартал «Цююэ», и вид у них был такой решительный, будто они собирались не в бордель, а на военную службу.

— Слушай, — спросил Ван Ин у стоявшего рядом Чэнь Цинъяня, — ты бывал здесь раньше?

— Разумеется, нет, — с серьёзным видом ответил тот. — Разве порядочные люди ходят в такие места?

— А разве не учёные мужи больше всего любят подобные заведения? Писать стихи своим возлюбленным, любоваться луной, пить вино под звуки музыки...

— Тьфу! — фыркнул Цинъянь. — Это всё выдумки бесстыжих старых развратников. Разврат есть разврат, к чему все эти оправдания?

Ван Ин показал ему большой палец.

«Такая сознательность редко встречается у молодежи, — подумал он. — Просто образец праведности!»

Собравшись с духом, спутники наконец шагнули внутрь. Оказавшись в дверях, они растерянно застыли, словно новобранцы, не знающие, что делать дальше.

Вопреки ожиданиям, их не встретила расфуфыренная хозяйка, зазывающая гостей. Первый этаж представлял собой зал с шестью или семью столами. Был полдень, и за парой столиков сидели посетители. Единственным отличием от обычной харчевни была девушка с пипой, напевавшая под её аккомпанемент Древние напевы Южного сада. Голос её был нежен и прекрасен.

Ван Ин даже засомневался, туда ли они попали, но, подняв голову, заметил на втором этаже нескольких девиц в лёгких одеждах.

К ним подошёл слуга и спросил, будут ли они есть или желают развлечься наверху.

Чэнь Цинъянь, словно перед лицом врага, тут же выпалил:

— Есть! Мы просто поесть зашли!

Слуга проводил их к небольшому столику и протянул меню. Оно представляло собой деревянную дощечку с дюжиной названий блюд, написанных кистью. Названия были изысканными и поэтичными, в духе «ветер, цветы, снег и луна», но понять, из чего блюда приготовлены, было решительно невозможно. Ван Ин наугад указал на три из них. Они сели, охваченные тревогой.

— Невестка, мы сможем встретить того человека? — шёпотом спросил Линь Цю.

— Не знаю. Попробуем здесь. Если не получится, пойдём в другое место.

В городе было всего два известных дома терпимости. Если Фан Шэнь, как о нём говорили, и впрямь дневал и ночевал в подобных заведениях, они непременно должны были его встретить.

Примерно через четверть часа им принесли еду. «Чистая весна и белый снег» оказались тарелкой тофу с зелёным луком. «Зелёные шёлковые нити» — салатом из огуречной соломки. А «Слушая горы и моря» — маринованными свиными ушами... Выходило, что в такой холод они заказали три холодные закуски.

Неудивительно, что слуга так странно на них посмотрел. Мог бы и предупредить.

Основное блюдо, к счастью, оказалось горячим — каждому по миске варёного проса. Руководствуясь принципом «уплочено — не пропадёт», они молча принялись за еду.

Внезапно они услышали, как слуга у входа громко воскликнул:

— Второй господин, вы пришли! Прошу вас, проходите! Я оставил для вас отдельную комнату наверху!

Все трое одновременно подняли головы. В дверях появился тучный, обрюзгший мужчина. Судя по его одежде и лицу, измождённому разгулом, это и был Фан Шэнь, второй сын семьи Фан.

Линь Цю от волнения чуть не упал со стула. Ван Ин успел подхватить его.

— Не смотри так пристально, — прошептал он, — заметят.

Юноша отвёл взгляд и, делая вид, что ест, принялся наблюдать за вошедшим краем глаза.

Фан Шэнь, очевидно, был здесь завсегдатаем. Он уверенно направился к лестнице, но, проходя мимо девушки с пипой, остановился.

— Какое свежее личико. Новенькая?

— Только вчера привезли из Гуачжоу. У неё чудесный голос. Линян, поприветствуй второго господина Фана.

Девушка встала и мягко произнесла:

— Приветствую вас, второй господин.

— О-о-о... — протянул Фан Шэнь. — Какой сладкий голосок, прямо до мурашек. Ладно, не пойду я сегодня наверх. Посижу здесь, послушаю пару твоих песенок.

С этими словами он вытащил из-за пазухи небольшой кусочек серебра, засунул его девушке за воротник платья и ущипнул её за грудь. Девушка покраснела, но не посмела возразить и, обняв пипу, продолжила играть.

Линь Цю отвёл взгляд. Слез больше не было. В душе осталась лишь одна мысль.

«Лучше умереть, чем выйти замуж за этого человека»

Грудь Чэнь Цинъяня вздымалась от гнева. Дядя совсем обезумел, раз решил выдать сына за такого! И ещё говорил, что Фан Шэнь не так плох, как о нём судачат. Да он был хуже любых слухов!

Фан Шэнь уселся за соседний стол. Вскоре к нему присоединились двое собутыльников. Они пили вино и отпускали сальные шуточки, которые невозможно было слушать.

Ван Ин уже собирался расплатиться и уйти, как вдруг один из приятелей Фан Шэня упомянул Линь Чанбиня.

— Второй господин, а как там дела с тем гэ'эром, сыном счетовода Линя, о котором вы говорили?

— Уже почти договорились. Это дело времени.

— Вы уже видели этого гэ'эра?

— Видел разок. Талия — просто тростинка, ух! — Фан Шэнь причмокнул. — У меня от одного вида кровь закипела. Если бы не его смазливая мордашка, я бы не стал так тратиться.

— Какая удача вам выпала, второй господин! Надеюсь, и нам, братьям, перепадёт немного

вашего счастья, — с похотливой усмешкой сказал тот. Фан Шэнь громко рассмеялся в ответ.

Мало кто знал, что у Фан Шэня было извращённое пристрастие: он любил приглашать друзей участвовать в своих утехах. Его предыдущая жена, не выдержав унижений, покончила с собой, хотя по округе разошёлся слух, будто он забил её до смерти.

— Второй господин, вы и вправду собираетесь отдать семье Линь лавку после свадьбы?

— Это так, для красного словца. Всеми лавками заправляет мой старший брат, какое я имею право их раздавать?

— А тот-то, поди, уже губу раскатал.

— А что ему остаётся? Этот старый хрыч завёл себе на стороне любовницу. Говорят, в прошлом месяце она ему сына родила, вот ему и нужны деньги до зарезу...

Цинъянь сжал кулаки так, что побелели костяшки. Ван Ин под столом крепко схватил его за руку. Нельзя поддаваться на провокацию! Со свадьбой можно разобраться и дома, но если устроить здесь драку и опорочить имя двоюродного брата, всё станет только хуже.

— Слуга, счёт!

— Сию минуту! С вас двести тридцать вэней.

Двести с лишним вэней за три тарелки холодных закусок? Ван Ину было не до споров. Он вынул деньги, отдал слуге и потащил обоих спутников прочь.

По дороге домой никто не проронил ни слова. Он никак не мог поверить, что дядя Линь способен на такое. Неудивительно, что он так хотел пристроить сына в семью Фан. Оказывается, всё было спланировано заранее ради денег.

Когда они вернулись, Чэнь Жун готовила обед.

— Ну что, всё уладили?

Линь Цю молча пробежал в свою комнату.

— Что с этим ребёнком? Я же с тобой говорю.

Ван Ин остановил тётку.

— Тётя, дядя дома?

— Он ушёл.

— Тогда тем лучше. Оставьте пока готовку. Нам с Циньянем нужно вам кое-что рассказать.

Увидев его серьёзное лицо, женщина отложила дела, погасила огонь в очаге и прошла с ними в дом. Ван Ин и Чэнь Циньянь в точности пересказали ей всё, что произошло утром.

Когда они закончили, Чэнь Жун долго не могла прийти в себя. Племянник взял её за руку.

— Тётя, не волнуйтесь. Ваш племянник здесь. Что бы ни случилось, я вас поддержу.

Чэнь Жун опёрлась о стену, чтобы не упасть. Она с такой силой стиснула зубы, что её лицо исказилось от ненависти.

— Так вот оно что... Вот почему... Вот почему он готов был загубить жизнь моего Цю'эра! Оказывается, у него на стороне уже есть незаконнорожденный сын! Эта скотина, хуже пса и свиньи!

Тётушка бросилась было из дома, но Ван Ин успел её остановить.

— Тётя, не горячитесь! Даже если вы сейчас устройте дяде допрос, он ни в чём не признается. Сейчас главное — успокоить двоюродного брата. Когда мы возвращались, он был сам не свой. Как бы чего не случилось.

В этот момент из западной комнаты донёсся пронзительный крик:

— Брат, что ты делаешь?!

Все в ужасе бросились туда. В комнате Линь Цю пытался вонзить себе в шею ножницы. Первый удар пришёлся мимо, но кровь уже хлестала. Линь Суй вцепился в его руку, не давая нанести второй удар.

— Мама, я не выйду замуж за этого человека! — с отчаянием в глазах кричал Линь Цю. — Дайте мне умереть!

Чэнь Жун с воплем вырвала у него ножницы и, обняв сына, зарыдала, задыхаясь от слёз.

— Ты же меня в могилу сведёшь! Давай я уйду с тобой, мама тоже жить не хочет, уйдём вместе...

Линь Суй, перепачканный кровью, стоял рядом и плакал, не в силах пошевелиться. Ван Ин с покрасневшими глазами разнял их.

— Тётя, не время плакать! Быстрее перевяжите брату шею!

Чэнь Жун опомнилась и платком зажала рану. Чэнь Цинъянь подхватил раненого на спину и бросился на улицу. Дядя Чэнь и Дуньцзы помогли им, и все вместе они побежали в городскую лечебницу.

Когда лекарь снял платок, все невольно ахнули. На шее зияла рваная рана длиной в полпальца. Кожа и плоть разошлись, обнажая страшное зрелище. Было ясно, что Линь Цю действовал с решимостью умереть.

Ван Ину стало тяжело на душе. Он вышел на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха. У входа он снова столкнулся с Цао Кунем. Тот придерживал своего работника, который повредил ногу при разгрузке товара.

— Какая встреча, лавочник Ван, — сказал Цао Кунь.

— Господин Цао.

— Что, кто-то из домашних заболел?

— Да, двоюродный брат поранился, сейчас ему помогают.

Цао Кунь не стал расспрашивать дальше и вошёл внутрь. Там он с удивлением снова увидел того молчаливого гэ'эра. По сравнению с утром, юноша выглядел смертельно бледным, словно из него вынули душу. Он безучастно сидел на деревянной скамье, пока лекарь зашивал ему рану на шее.

Чем же он так себя поранил? Выглядело жутко.

Цао Кунь сам испытал на себе эту кривую иглу. Несколько лет назад его ранили в руку. Когда ему зашивали рану, он, взрослый мужик, не мог сдержать криков. А этот гэ'эр не издал ни звука. Собеседник невольно проникся к нему любопытством и уважением.

Закончив шить, лекарь дал наставления:

— Как же его так угораздило? Боюсь, шрам останется. В ближайшие дни не ешьте ничего острого, мяса тоже поменьше, иначе рана воспалится, и лечить будет сложнее.

— Хорошо, — тихо ответила Чэнь Жун.

Лекарь выписал кровоостанавливающее и противовоспалительное средство. Циньянь пошёл за лекарством. Ван Ин заплатил за приём.

— Мы так спешили, что я не взяла с собой денег, — сказала тётушка. — Вернёмся, я тебе всё отдам.

— Тётя, не говорите об этом. Главное сейчас — чтобы брат поправился.

Они помогли Линь Цю выйти на улицу. Цао Кунь догнал их.

— Лавочник Ван, постойте.

— Что такое?

Цао Кунь нерешительно почесал в затылке.

— У меня есть хорошее средство от ран. Мы, возчики, постоянно в дороге, всякое случается. Моё лекарство получше, чем в лечебнице. Когда будете отправлять мне товар, я передам вам пузырёк.

— Что вы, как можно...

— Пустяки, оно ничего не стоит. Только не забудьте.

С этими словами он вернулся в лечебницу. Ван Ин невольно удивился.

«А господин Цао, оказывается, отзывчивый человек»

Вернувшись домой, Дуньцзы запряг повозку и отправился отвозить товар в Цзяохан. Ван Ин увидел Чэнь Циньяня, который с мрачным лицом стоял у входа, и подошёл, взяв его за руку.

— Будучи отцом, он должен защищать своих детей, — процедил юноша. — Даже тигр не ест своих детёнышей, а он способен на такую низость!

— Эх... теперь говорить об этом бесполезно. Зная характер тёти, она не сможет промолчать. Когда Линь Чанбинь вернётся, будет скандал.

— А разве он не заслужил? Его и убить мало! Если бы мой отец был жив и узнал, как обижают

его сестру, он бы давно забил этого бесстыдника палкой до смерти.

— Это так, но он всё-таки родной отец твоего двоюродного брата. Мы не можем решать за них. Нужно узнать, что думает сама Чэнь Жун.

В этот момент из западной комнаты вышла тётушка.

— Я всё решила. Я с ним разведусь. И заберу Цю'эра и Суй'эра с собой.

— Тётя... — Ван Ин подошёл и поддержал её. — Как брат?

— Заснул. Я убрала из комнаты всё острое. Суй'эр сидит рядом с ним.

— Тётушка, вы хорошо подумали? — спросил Цинъянь.

— Да, — голос женщины дрогнул. — Если я не разведусь, он доведёт Цю'эра до смерти!

— Раз вы так решили, тогда возвращайтесь с племянником домой!

— Нет. У меня осталась часть моего приданого. Я берегла его для свадьбы детей, но теперь сниму на эти деньги дом. Мы будем жить отдельно.

Ван Ин нахмурился.

— Тётя, вы не хотите возвращаться в город?

Чэнь Жун покачала головой.

— Была бы я одна — другое дело. Но с двумя детьми... я не хочу быть вам обузой...

— Что вы такое говорите? — Ван Ин взял её за руку. — Даже чужому человеку в такой беде нужно помочь, а вы — родная тётя Цинъяня. Его отец умер рано. Будь он жив, разве он позволил бы вас так обижать? Он бы давно забрал вас домой.

При упоминании о старшем брате женщина больше не смогла сдерживаться и зарыдала в голос.

— Брат мой... зачем же ты так рано ушёл... Кто теперь позаботится о твоей сестре?

Чэнь Циньянь, глотая слёзы, ответил:

— Я позабочусь! Тётя, я — как мой отец. Пока я жив, я буду заботиться о вас.

<http://bllate.org/book/15812/1435061>